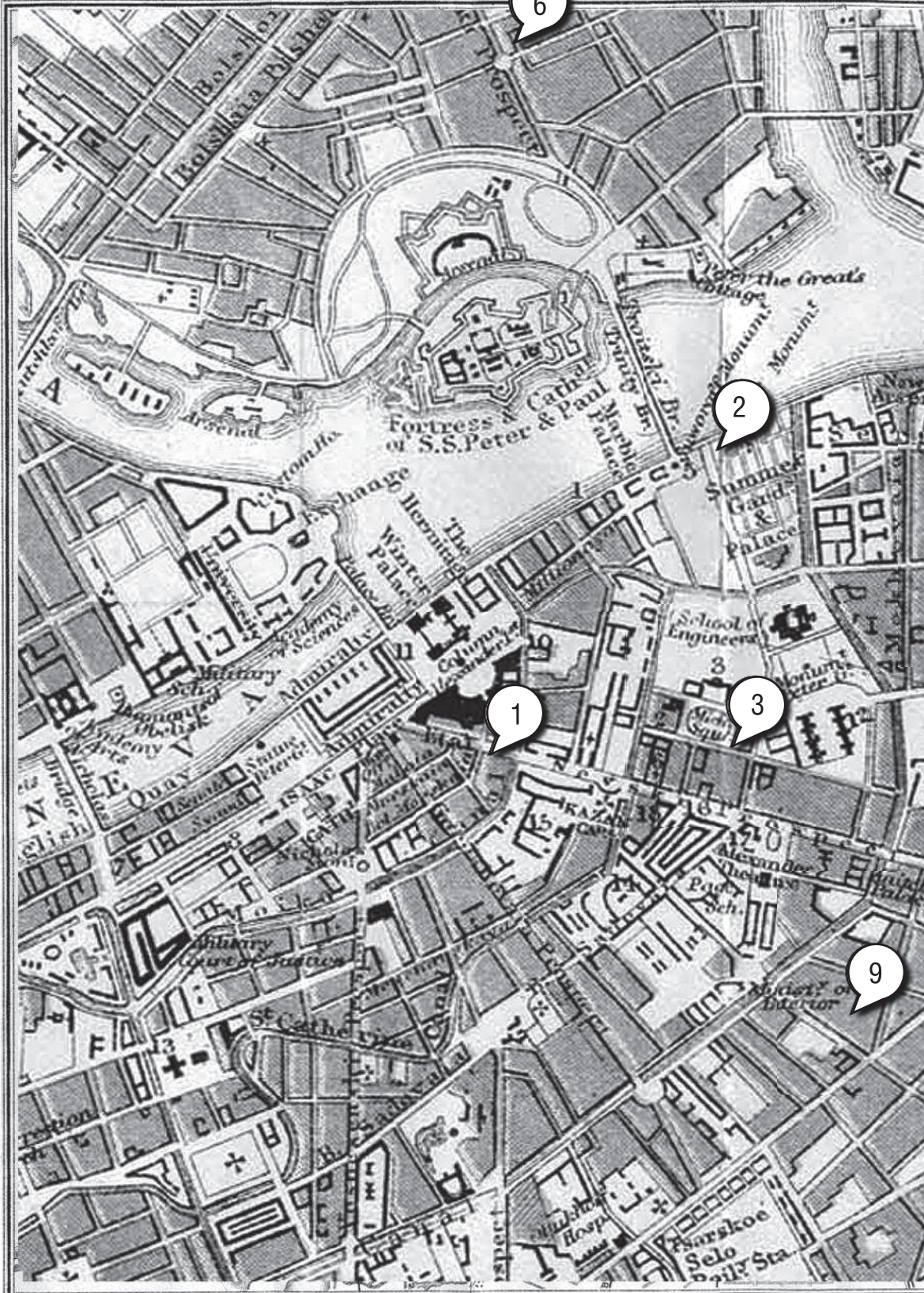

Илья буги-вуги-book
СТОГОФФ
Авторский путеводитель
по ПЕТЕРБУРГУ,
которого больше нет

иллюстрированное издание

6

2

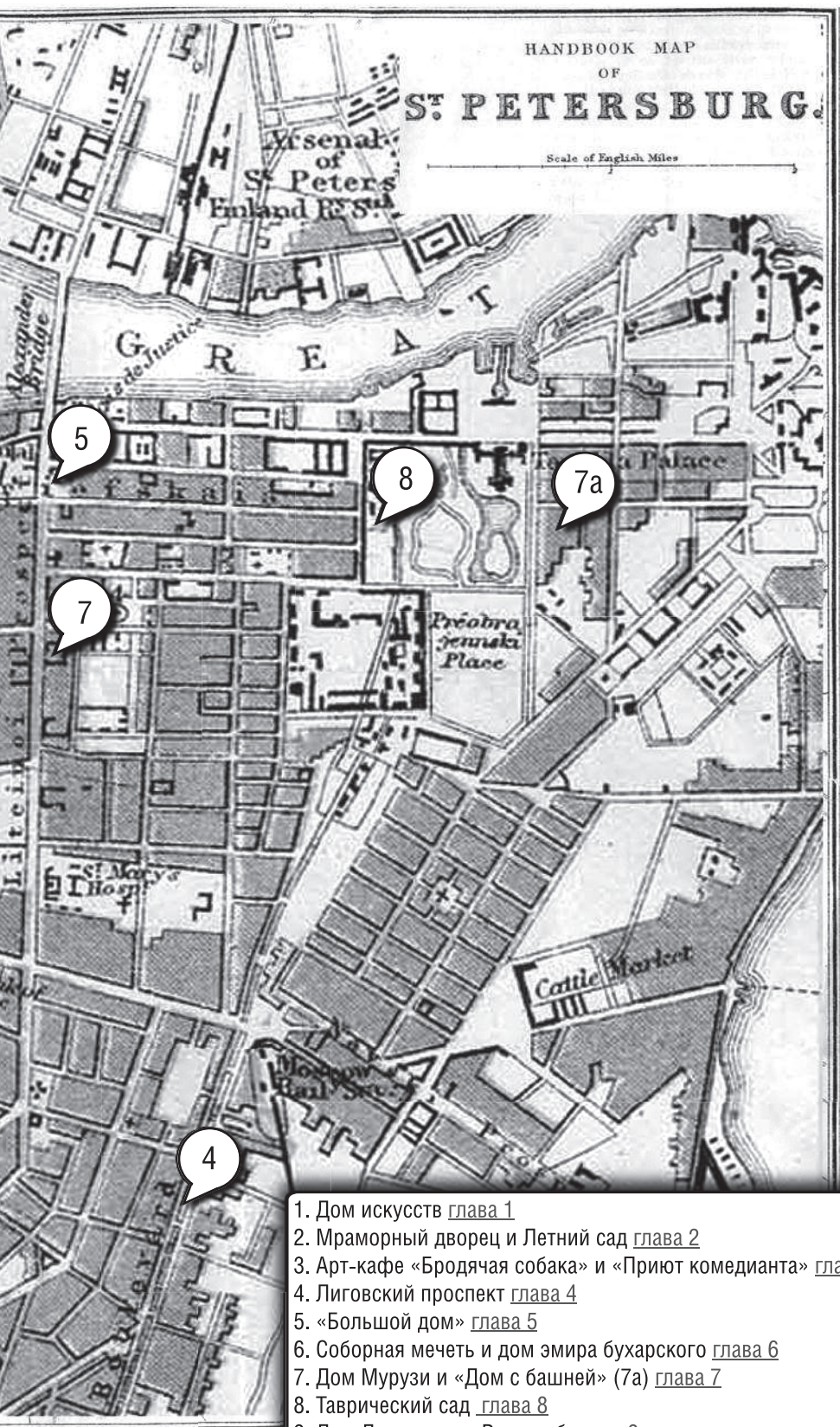
1

3

9

HANDBOOK MAP
OF
ST. PETERSBURG.

Scale of English Miles

1. Дом искусств [глава 1](#)
2. Мраморный дворец и Летний сад [глава 2](#)
3. Арт-кафе «Бродячая собака» и «Приют комедианта» [глава 3](#)
4. Лиговский проспект [глава 4](#)
5. «Большой дом» [глава 5](#)
6. Соборная мечеть и дом эмира бухарского [глава 6](#)
7. Дом Мурузи и «Дом с башней» (7a) [глава 7](#)
8. Таврический сад [глава 8](#)
9. Дом Довлатова и Рок-клуб [глава 9](#)

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С81

Благодарим Николая Симоновского за предоставленное фото автора
obtaz.ru
(изображения, тексты, музыка, фоторепортажи артжизни С.-Петербурга)

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Текст печатается в авторской редакции

Stogoff, И.

С81 Буги-вуги-Book. Авторский путеводитель по Петербургу, которого больше нет /Илья Стогоff. — 2-е изд., ил. — Москва: Издательство АСТ, 2016.— 190, [2] с.

ISBN 975-5-17-087135-3

«Каждый раз, когда мне случается приехать в Петербург, я первым делом звоню Илье Стогову. Потому что без него это просто промозглый и гордый чужой город. А с ним Петербург вдруг превращается в какой-то фантастический заповедник былинных героев. Нет больше улиц и набережных со смутно знакомыми названиями — каждый шаг ты ставишь ногу туда, где случилось что-то трагическое или анекдотическое. В общем, нет для меня никакого Петербурга Достоевского, и не надо.

Есть Петербург Стогова».

Дмитрий Глуховский

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Илья Стогоff, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая:

Угол Невского проспекта и набережной Мойки

Б. Патерсон. Полицейский мост на Невском проспекте

1

Лет пятнадцать назад я как-то пытался приударить за девушкой, которая потом стала довольно известной телеведущей. В Петербурге шел дождь (разумеется, шел). Девушка была москвичкой. Оба мы были здорово пьяны, но все же не настолько, чтобы взять да и броситься, наконец, друг дружке в объятия. Мы болтались по набережным, заходили в каждую дверь под призывно горящими вывесками, из последних денег я покупал ей дорогущий алкоголь, а девушка только хихикала и говорила, что хочет зайти еще куда-то, и мы снова перлись под дождем в очередное душное и дорогое место.

Часа в три ночи я обнаружил себя на углу улицы Пестеля и Литейного проспекта. Девушка показывала пальцем на дом Мурузи и трясла меня за рукав:

— Смотри, какое красивое здание. Ты не знаешь, что это такое?

— Разумеется, знаю. Это дом Мурузи. Когда-то тут жил Бродский.

— Бродский? Кто это?

— С ума сошла? Ты не знаешь поэта Иосифа Бродского?

— Никогда не слышала. А что он написал?

— Он последним из русских авторов получил Нобелевскую премию.

— Да? Здорово! Может, заскочим к нему? Стрельнем денег еще на алкоголь, а?

— Бродский умер.

Мне расхотелось с ней спать. Мне захотелось треснуть ей по лицу и уйти домой. Но вместо этого я зачем-то стал читать ей стихотворение последнего русского лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского. То самое, которое заканчивалось словами насчет того, что умереть он хотел бы на Васильевском острове.

Я был пьян и несколько раз забывал слова. Но с грехом пополам доковылял-таки до конца последней строки. Москвичка постояла молча, а потом как-то очень трезво вдруг сказала:

— Ну да. Жить-то в этом твоём городе все равно невозможно. Единственное, на что он годится,— это красиво сдохнуть тут на вымокших декорациях.

2

Я редко смотрю телевизор. Но если все-таки включаю его и натыкаюсь там на лицо этой девушки, то каждый раз думаю, что она права. Жить в Петербурге действительно невозможно. Зато умереть тут — действительно красиво.

Место, где люди живут хотя бы несколько столетий, обязательно станет напоминать о смерти. Любое место — обязательно Петербург. Хотя к Петербургу это относится особенно.

В центре города вряд ли найдется большая площадь, на которой хотя бы раз не проводилась публичная казнь. Причем последний раз такое случалось совсем недавно. В 1947-м на площади перед кинотеатром «Гигант» при большом скоплении народа были повешены семеро нацистских преступников. С годами кинотеатр превратился в самое огромное петербургское казино, и один из тамошних управляющих как-то по секрету показал мне старую кинохронику со сценой казни. «По секрету», потому что выглядела казнь ужасно. На старых черно-белых кадрах было видно: чтобы взглянуть на аттракцион, горожане пришли целыми семьями. В оконных стеклах отражалось весеннее солнце. Люди улыбались и что-то ели. Когда из-под немцев выбили опору, и те завывгивались в воздухе, кое-кто пытался аплодировать. На крупном плане было видно: мужчина в дурацкой кепке поднял на руки сына (лет десять) и, показывая пальцем на агонизирующих людей, что-то пытался ему объяснить.

И такие увеселения предлагались жителям Северной Пальмиры всего лишь во времена молодости моей бабушки. Что уж говорить про восемнадцатый и девятнадцатый века?

На Сенной площади публичные порки проводились почти сто пятьдесят лет подряд. Особенно нравились публике экзеку-

ции женщин, которых перед наказанием раздевали по пояс сверху. На пустыре перед Театром юного зрителя повесили убийц царя Александра II и как-то чуть не расстреляли молоденького прозаика Достоевского. Изысканная петербургская публика каждый раз загодя собиралась у места предстоящего повешения, а потом с нетерпением ждала, пока снимут тела. Дело в том, что веревки с виселицы считались верным амулетом от всех несчастий и всегда растаскивались до ниточки.

Самым же популярным местом казни считался скверик, который между станцией метро «Горьковская» и Троицким мостом. Например, в 1721 году здесь, на месте, где сейчас стоит автозаправка «ГНТ», казнили проворовавшегося чиновника по фамилии Нестеров.

Очевидец так описывал мероприятие:

Под высокой виселицей устроен был эшафот, а позади него поставлены четыре шеста с колесами. Шесты эти предназначались для воткнутия голов преступников.

Первый, кому отрубали голову, был клевет, служивший Нестерову орудием многих обманов. Когда ему прочли приговор, он обратился лицом к церкви и несколько раз перекрестился, потом повернулся к окнам Ревизион-коллегии, откуда Император со многими вельможами изволил смотреть казни, и несколько раз поклонился.

После сего и сам Нестеров, в сопровождении двух прислужников палача, взошел на эшафот, снял с себя верхнюю одежду, поцеловал палача, поклонился стоящему вокруг народу, стал на колени и бодро положил на плаху голову...

Чуть позже на этом же месте состоялась процедура вырывания языка двум красоткам-аристократкам Анне Бестужевой и Наталье Лопухиной. Когда палач раздевал Бестужеву, та успела сунуть ему в руку увесистое золотое распятие с рос-

сыпью бриллиантов. Ее языка нож коснулся только чуть-чуть. Вторая осужденная подарком запастись не догадалась.

Гости сидели на деревянных скамейках и внимательно слушали, как женщина кричит и плачет под пытками. Два дюжих палача навалились Лопухиной на грудь, сдавили горло и заставили разжать челюсти. Кроша зубы, ей специальными щипцами выдернули язык, отрезали его ножом, а потом палач показал язык публике и, смеясь, крикнул:

— А вот кому свежатинки?! Задешево отдаю!

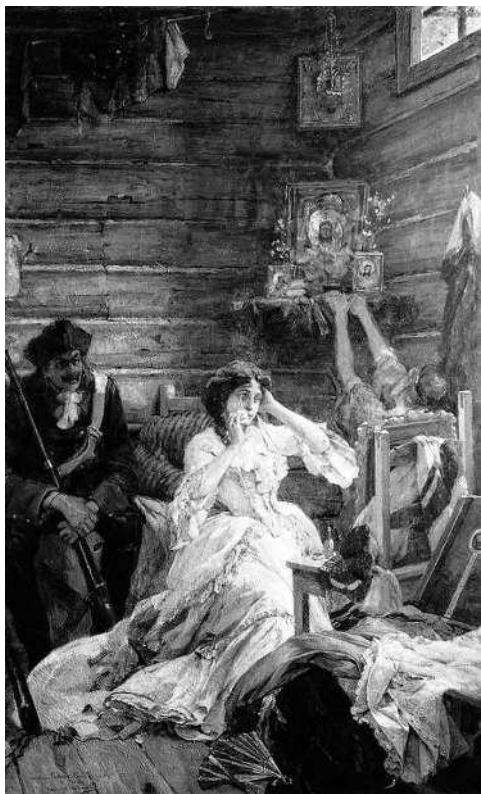
Но масштабнее всего была проведена казнь обрусевшей шотландки Марии Гамильтон, которая состоялась 14 марта 1719 года.

Мария была одной из самых красивых женщин Российской империи. К императорскому двору она прибыла, когда ей едва исполнилось пятнадцать, и очень скоро добилась того, за чем приехала. В смысле проснулась-таки однажды утром в гостеприимной царской постели.

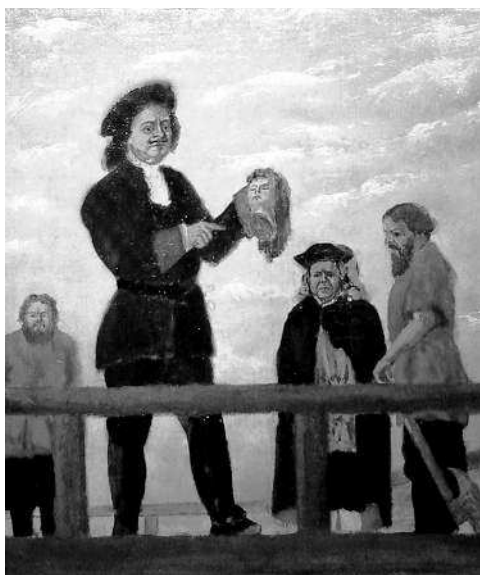
Как известно, свою законную жену Петр заточил в монастырь. Какое-то время его официальной фавориткой была прекрасная, как греческая статуя, Анна Монс. Потом пухленькая прачка из Прибалтики, вошедшая в историю как императрица Екатерина Первая. «Почему императрицей не могу быть я?» — удивлялась Гамильтон.

Целый год она сводила царя с ума. Трон был уже почти рядом... а потом царь про нее просто забыл.

Время шло. Петр не возвращался. Деньги кончились. Как-то Гамильтон украла у императрицы триста золотых червонцев. Этого никто не заметил. По наследству после Петра Гамильтон отошла к петровскому денщику, красавцу Ивану Орлову. На следствии девушка потом показала, что первый интим

*П. А. Сведомский.
Мария Гамильтон перед казнью*

Петр I с головой Марии Гамильтон

случился у них прямо под деревьями Летнего сада. А уж после Орлова Мария и вовсе пошла по рукам. Мужчинам льстило спать с бывшей царской фавориткой. Горничная потом давала показания, что «хаживали к ней и денщики, и прочие господа, и всякие дворцовые служители».

Два раза она вытравила собственных нерожденных детей. Третий все же родился, и эта милая женщина задушила его своими руками. Об этом стало известно при дворе. А за аборт в те годы полагалась смертная казнь. Так что, когда во время последнего свидания Мария молила императора о пощаде, Петр ответил:

— Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Итак: прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаянием и верою...

К эшафоту Мария вышла в белом шелковом платье и черных лентах в светло-серых волосах. Палач перерубил ее тонкую шею с первого удара. Петр поднял голову с грязного эшафота, с причмокиванием поцеловал в губы, потом, держа за волосы, объяснил зрителям анатомическое устройство шеи и распорядился, заспиртовав голову, вы-

ставить ее на обозрение в недавно основанной Кунсткамере. Куда дели тело шотландки — неизвестно.

3

Или вот еще случай.

Во времена правления племянницы Петра, государыни Анны Иоанновны, прямо на Невском проспекте были сожжены на костре капитан-поручик морской службы Александр Возницын и коммерсант-еврей Барух Лейбов.

Суть дела в тот раз заключалась в том, что капитан вдруг начал живо интересоваться религиозными вопросами. Прочитав Библию, Возницын обнаружил, что изложенная там доктрина как-то не очень похожа на то, чему учит официальная православная церковь. Некоторое время он размышлял и сомневался, а потом обратился за консультацией к этому самому Лейбову. И тот на конкретных цитатах, как дважды два, объяснил новому знакомому, что если тот хочет достичь вечного спасения, то единственный способ — обратиться в иудаизм.

Сомневался капитан недолго. Раз этого требовало спасение души, он согласился пройти необходимые обряды и даже сделал обрезание. Никто бы об этом и не узнал, но некоторое время после операции Возницын оказался не в состоянии выполнять супружеский долг. Его жена, Елена Ивановна, была удивлена и стала задавать вопросы. Капитан запереться не стал. Продемонстрировал супруге новый внешний вид своих половых органов и попросил, чтобы она выбросила из дому все православные иконы, которые, между прочим, прямо противоречат Библии, в которой есть заповедь, запрещающая изображать Бога.

Насчет того, что евреи ножом касались места, которое Елена Ивановна привыкла считать только своим, смириться она,

Петр III и Екатерина II

*Ф. Рокотов.
Портрет графа Григория Орлова*

*В. А. Боровиковский.
Портрет Павла I в короне, далматике
и знаках Мальтийского ордена*

может, еще и могла бы. Но выбрасывать иконы? Рано утром женщина сходила куда следует и на мужа донесла. Уже к обеду капитан Возницын был арестован, а 15 мая 1738 года после полагающихся пыток вместе с купцом Барухом Лейбовым живьем сожжен на костре. Все его имение по распоряжению императрицы перешло вдове, причем за сознательность ей было пожаловано еще и сто дополнительных крестьянских душ.

Сожжение вероотступников состоялось на углу Невского проспекта и Мойки. Место это вообще с самого начала пользовалось дурной репутацией. Первоначально здесь был выстроен деревянный Гостиный двор: рыночное помещение, внутри которого торговали пенькой и рыбой. Однако всего через несколько лет двор сгорел, причем в огне тогда погибла целая куча народу. Позже, на празднествах по поводу очередного восшествия на престол, под ликующими горожанами обвалился мост через Мойку, и несколько десятков человек утонули. Какое-то время место использовалось для публичных казней. Помимо капитана Возницына здесь же были сожжены на костре некие Петр Петров по прозвищу Водолаз и крестьянский сын Перфильев. Еще позже тут был выстроен деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны. В нем она и умерла.

Потом дворец перестроили, а потом перестроили еще раз. В таком перестроенном виде здание и дошло до наших дней. Кто

только тут не жил! Из окна дворца совсем молоденькая и еще не выучившая русский язык Екатерина II впервые увидела графа Орлова, да и переспали они впервые тоже где-то в бесчисленных комнатах именно этого здания. На квартире, которую тут снимал граф Пален, собирались заговорщики, убившие позже Екатериного сына, курносого императора Павла I. При следующем императоре Александре в доме располагался самый модный ресторан города Talon, о котором Пушкин писал «В Talon помчался он, уверен, что там уж ждет его Каверин». Еще лет семьдесят спустя вдоль фасада тут повадились прогуливаться белобрысые чухонские проститутки, на которых одно время установилось даже что-то вроде моды, а уже в 1990-х в здании открыли дико бандитский найт-клуб, куда, по слухам, развеселая питерская братва вызывала смольнинских чиновников, чтобы те объяснили пацанам, что за хрень творится в городе.

Петр Пален

*П. Деларош.
Посмертный портрет Петра I*

Генерал-губернаторы, французские обольстительницы, евреи-миллионщики, бородатые литературные классики, пажоны во фраках и черт знает кто еще. Если перечислять жителей этого дома, то получится что-то вроде краткой истории императорского Петербурга. Города, который я совсем не знаю. Того блестящего и призрачного Петербурга, жить в котором мне, наверное, совсем бы и не понравилось.

Историю моего города принято начинать с Петра Великого. Как видите, едва начав эту книжку, я тоже несколько раз уже его упомянул. Хотя, на самом деле, сделал я это зря. Дело в том, что Петр основал вовсе не тот город, в котором я живу. Та имперская химера, которая жила в его уродливой

маленькой голове, не имеет к нынешнему Петербургу никакого отношения.

Когда-то в желтых петербургских дворцах принимались политические решения, сотрясавшие планету. Наживались состояния с таким количеством нулей, которые не влезали потом ни в одну газетную полосу. Это была столица мира, и на каждом перекрестке этой столицы происходило что-нибудь этакое, рассказ о чем будет обязательно вставлен в школьную программу.

Об этом давно исчезнувшем городе говорили: «Питер бока пови́тер». Имея в виду, что город это жесткий, безжалостный, не прощающий ошибок и щедро вознаграждающий лишь самых целеустремленных. Крепкие провинциалы, ловкие девушки, искатели приключений со всех концов земли приезжали сюда, чтобы поразиться величественному блеску, познакомиться с нужными людьми, разбогатеть и сделать карьеру, от которой у потомков кружилась бы голова. Короче говоря, этот город манил всем тем, чем не может похвастаться сегодня.

А потом этот город вдруг весь кончился.

4

У меня есть приятель — модный фантаст Митя Глуховский. Молодой парень, раскрутивший самый масштабный книжный проект двухтысячных. Лет за пять, стартовав с нуля, он продал несколько миллионов книг, изданных под изобретенной им торговой маркой, запустил по мотивам своей книжной серии компьютерную игру и вроде бы даже продал права на экранизацию в Голливуд. А я за тот же срок успел разве что выкурить полтысячи пачек сигарет и сколько-то десятков раз

вымокнуть под вечным петербургским дождем. Чтобы было понятно, сразу поясню: Митиным достижениям я если и завидую, то лишь самую малость, а собственные меня вполне устраивают.

Все мои московские приятели — такие же, как Митя. Их главный спорт — быть в теме. Посещать правильные места, вести там правильные разговоры, ездить на правильных машинах, ну и хвастаться друг перед другом своими правильными достижениями. Университет москвич Митя заканчивал где-то за границей. Не помню, где именно, но в общежитии там с ним жило четверо парней. Все родом из Петербурга.

О своих соседях Митя рассказывает так:

— Мы прожили в одной комнате четыре года. Я и эти петербуржцы. И каждый день из этих четырех лет заканчивался одинаково. Парни откладывали учебники, решали попить чайку, садились за стол, секунду молчали, прикидывая с чего бы начать разговор, а потом кто-то один все равно произносил: «Ну и козлы же эти москвичи!» И остальные тут же радостно подхватывали: «Да! Да! Редкостные козлы!» После чего беседа завязывалась сама собой. И так — каждый вечер. Несколько лет подряд.

Могу подтвердить: более выигрышной темы для разговора, чем обозвать москвичей козлами, в Петербурге действительно не существует. При этом суть петербургской претензии к жителям столицы понимают, как правило, совершенно неверно. Считается, будто в моем городе москвичам завидуют. Испытывают комплекс по поводу того, что вот ведь когда-то столица была у нас, а теперь в Москве.

На самом деле это абсолютно не так. Среди моих знакомых нет ни одного, кто желал бы переезда органов власти на берега Невы. Более того, если бы этот переезд все же произошел, то для города, который я знаю, это стало бы катастрофой. Он